

18+

Максим Петросян

Река несчастья

*Моя жизнь — это
песня для тебя*

Максим Петросян

Река несчастья

«Издательские решения»

Петросян М.

Река несчастья / М. Петросян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590952-7

«Река несчастья» Жаркая Италия восьмидесятых, пропитанная соком свежавыжатого персика. Марк изо дня в день живёт обычной жизнью на вилле в провинции Милана, но в его жизнь врываются новые люди, целые жизни, которые ему только предстоит познать. К чему приведёт такой интерес к чужой истории, к уже призрачным воспоминаниям? Бесчувственность по имени бесчувственности — пустая трата жизни.

ISBN 978-5-00-590952-7

© Петросян М.
© Издательские решения

Содержание

Dedicato A Elio	6
Пролог	7
1 глава: Рисунок	8
2 глава: Хочешь ли ты...	13
3 глава: Я и Бог	21
4 глава: Тишина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Река несчастья

Максим Петросян

© Максим Петросян, 2022

ISBN 978-5-0059-0952-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Dedicato A Elio – Ti piace stare da solo?

– No. A nessuno piace stare da solo. Ma ho imparato a convivereci.¹

---

¹ Посвящается Элио– Ты любишь быть один?– Нет. Никто не любит быть один. Но я научился жить с этим.

Пролог

Все мы любим лето. У каждого оно своё и нет одного одинакового, или одного единого лета. Каждый год, абсолютно неизменно, мы чувствуем совершенно необыкновенные чувства которые всё время отличаются друг от друга и сравнивая их, мы не можем понять к чему же они ведут нас. Можно сказать что они ведут к счастью, но не всегда. Очень многие события которые происходят в те короткие три месяца жизни, могут сохраниться в памяти на долгие годы вперёд, и бывает, ты будешь стараться забыть их так сильно, до мозолей на руках и мешков под глазами. Кто бы что ни говорил, отказаться от этого нельзя, и не надо. Без этих мгновений, мы не узнаем саму жизнь, саму её истину, потому что во всей жизни, в каждом году, нет ни одного момента схожего с этими тремя месяцами жизни которые несутся так быстро, но запоминаются так надолго, чувства от которых будут длиться вечно.

И самое главное что воспоминания были во мне абсолютно всегда. Каждый раз когда я шёл куда-то, направлялся, думал о чём-либо, или же хотел что-то, я всегда возвращался, рано или поздно, к тем самым воспоминаниям. Более счастливые моменты наоборот усугубляли моё положение, но при всём при этом, они всегда были со мной. Хоть это самое лето было так давно, что я не могу уже вспомнить сколько мне тогда было, но оно до сих пор со мной, и любые попытки оторвать его от меня самого или же забыть, не увенчались успехом раньше и сейчас. В каком-то смысле я смирился с этим, но во мне всегда была борьба, которая продолжается до сих пор, но чем же она мне не помогает? Если говорить честно, понятия не имею. Потому что я до сих пор так же глуп как тогда, и до сих пор так же влюблён.

Очень часто, погружаясь во всё это в очередной раз, я теряюсь. Теряюсь в пространстве и времени, и даже, в самом себе. Я не уверен, изменился ли я с тех времён, или же, я всё тот же мальчишка, познающий прелести жизни, влюблённости, нежности и тяги к чужой жизни. Я никогда после не чувствовал нечто похожее на это, но значит ли это, что я другой? Значит ли, что будь у меня ещё один шанс, хоть на день, на минуту, вернуться туда, я бы не согласился, не успев свет из окна озарить мою спальню, в которой, недавно проснувшись, ничего не делая, лежало моё тело, с венами без пульса, и глазами, устремлёнными куда-то ввысь.

1 глава: Рисунок Где-то в Северной Италии...1983 год

Что это за чувство пробило меня?

Это ностальгия или Бога рука?

Нет, это что-то иное? То, что вечно цветет, как в детской загадке той,

Про ель, под которой поцеловались мы с тобой.

И в тот день, когда впервые повстречал тебя,

Я погрузился в твои глаза. Это как будто дежавю. Как будто скоро упаду,

И в тот день это Муза проснулась во мне,

Афродита влюбила её в руки мои,

Зачаровали перо магией любви,

И перо пишет само!

Под влиянием чувств

Что извергаются из меня потоком искусств, и эти чувства уносят меня в реку Malheur²!

Мчаться без тормозов. Как будто кто-то их толкнул.

Я хотел остановиться, но, к сожалению, не смог,

И утонул, как в той реке. Скованный Прометея цепями.

Цепями любви, радости и печали.

---

² Malheur – с французского языка «Несчастья»

We wasted so many days

Теплота солнца, такое приятно ощущение. Выходишь на веранду, и солнце бьёт тебя, обливает, всей своей мощью, и красотой. Не успеешь сказать и слова, как ты весь в нём, и лишь некоторая часть тела, случайно попала под тень дома сзади тебя. Как бы жизнь не менялась, солнце сверху нас, всегда то же самое, и именно она является путеводной звездой, не только направления света, но и жизни.

Сама жизнь в Италии напоминает старый домик, на окраине маленького городка, в котором ничего не происходит, и люди просто живут. Ходят в гости, пьют, посещают бары, и конечно же, обсуждают политику. Всё это на чистом итальянском языке, приправленном долькой этнических и территориальных особенностей речи. Слушать их разговоры за столом, пока подносили последний десерт, было одно из моих любимых занятий. Нет, я не спорил с ними, или даже присоединялся к их разговорам, плавно переходящим в ссоры. Я просто слушал, растворившись в показательных движениях рук, и слов. Иногда смеялся, а иногда зали-

вался краской за их слова. Меня они почти не замечали, за исключением, если со мной начинала играть Перла, запрыгивая на мои колени и облизывая их, попутно крадя что-то на столе.

Большинство наших кресел и стульев были без спинок, либо, с тонкими деревянными спинками, которые не так сильно раздражали кожу на спине, которая всегда была загорелой, а у кого-то через чур. Мы принимали этот климат как данность, практически никак не борясь с ним. Он был един с нашими организмами, и нельзя было представить здешние края без него. Этим он и был особен у туристов, желавших уйти от смуты городов, и погрузиться туда, где время остановилось, и люди, кажется, вместе с ним. Нельзя точно сказать почему. Просто так сложилось. Религия, природа, люди – всё это составляло и создавало ту самую магию.

А что до меня, я жил, ничего не делая, как почти все. Гулял по утрам и вечерам, играл с собакой, читал попавшие мне в руки книги, ел виноград, растущий в нашем саду, и чувствовал что нахожусь в прекрасном месте, и никогда не переставал так думать.

Тем летом, а было оно на моё семнадцатилетие, я занимался теми же вещами, как и всегда. Всё казалось тем же самым, и так оно и было, до одного момента.

Тогда, я только проснулся, было примерно восемь утра, как вдруг я услышал звуки падающего мяча. Он отбивался то от земли, то явно от нашего дома, стены рядом с моей комнатой на втором этаже. Окно было открыто, так что я слышал всё отчётливо. Сначала я старался не придавать этому значение. У нас по соседству жило несколько маленьких детишек, хулиганы ещё те, с красными щеками и пузами. Иногда они вытворяли что-то подобное. Но потом, я осознал что они, при их низеньком росте, и коротких ручках, не смогли бы докинуть мяч до второго этажа, так что, спустя несколько минут, и закрывания ушей подушкой, встал, и быстро направился к окну. Меня в ту же секунду осветило солнце, сегодня оно было безжалостно, и я увидел не мальчишку, у которого даже волосы ещё полностью не проросли, а парня, с шевелюрой на голове, как грива коня. Он пинал мяч своими ногами, неприкрытыми ничем, кроме шорт, и волосы на которых защищали бежевую, явно изменившую цвет от загара, кожу от солнца.

Недолго думая, я спрятался за ставнями, дабы он меня не увидел. Не знаю почему, но он был интересен мне. Здесь очень редко можно встретить незнакомца, не считая туристов, которых можно определить по фотоаппарату на шее, и путеводителем в руках. Но он был местный, это было видно по его коже, соленым волосам, которые уже привыкли к здешней воде, и глазам, узким, но всё равно широким.

Я смотрел на него изучающим взглядом, боясь что случайных чих, или кашель, может отпугнуть его. Вообще странно что я не видел его раньше, и тем более, что он решил позаниматься здесь. Именно у моего дома, под моим окном. Либо он слишком дерзкий, либо дурак. После достаточного времени, у меня появилась идея, которая меня манила. Я отошёл от окна, и босиком, медленным шагом, взял свою камеру со стола, который уже давно пора убрать от всякого хлама, книг, рукописей, и стаканов. Снова подойдя, я удостоверился что он всё ещё там, но он перестал играть, взял мяч под мышку, и начал копать в сумке через плечо. Я встал в удобную позу, и щёлкнул его, пока он смотрел куда-то вниз, с левой рукой в сумке, и правой, старающейся удержать мяч от падения на газон, а половина его лица была в тени от здания, делая акцент на вторую часть, с несколькими родинками под глазом, и чистой кожей.

Он ушел. Я продолжал стоять, молча смотря на фотографию. На ней он был запечатлён таким молодым, ярким. Он выглядел как уменьшенное солнце, которого и так было с избытком. Он был изумрудом среди травы, и ромашкой среди поля пшеницы. Кто он? Не знаю.

Я спустился по старой лестнице вниз, и деревянные перила, на которые я всегда опирался, немного скрипели. В доме было пусто, хоть в нём и находилось четыре человека. Мы приезжаем сюда каждое лето и каникулы, а сам дом перешёл по наследству к нам ещё с прадедушки. Выполнен он в традициях итальянский вилл, которые строили век назад. От его стен исходит запах прошлого, смешанный с фруктами, дымом сигарет и камина. Он из тех, которые

ты видишь на открытках. В них обычно пишут об отдыхе, или любви. По крайней мере, так я думаю. Никогда не писал письма, максимум самому себе. Да и то, они не носят в себе какой-то глубокий смысл. Наоборот, они очень просты, и я не рассказываю в них о секретах, переживаниях, а просто пишу то как живу. Как кругами еду на велосипеде, объездив уже все окрестности, о том как рисую, чаще всего пейзажи, и изредка людей. И сейчас, во мне проснулось вдохновение, и я решил нарисовать того парня, или просто постараться перерисовать фото с ним.

Я взял плотный лист, из хорошего дерева, и перед тем как поднести карандаш к нему, я преподнёс его к носу, и почувствовал запах едкого дерева, опилок, и самую малость клея. Я любил так делать. С книгами из типографии, бумагой. Это ещё сильнее разыграло моё желание, и я начал. По началу всё шло хорошо. Сначала горизонт, поле, трава. Дальше я приступил к окружению. Мой велосипед на фоне, машины, забор из камня, сложенный и построенный давным-давно, и камни которого практически полностью покрылись мхом и лишайём.

После, я дошёл до него. Это было достаточно трудно, но принесло мне удовольствие, которое я давно здесь не имел. Это было что-то новое, загадочное. Рутинка нравилась мне, но изрядно надоедала, и я жаждал опасностей, или хотя бы знакомств.

Я решил найти его, и отдать рисунок.

Не зная ни его имени, ни того кто он вообще такой, я решил попробовать узнать о нём у родителей. Через несколько часов они тоже встали, и уже во всю ужинали на веранде. Я присоединился к ним.

– Доброе утро Марк, как спал? – мой отец спрашивает это каждое утро, попивая утренний кофе.

– Да хорошо.

– Кстати, сможешь сегодня в цент поехать? Мне нужно забрать посылку от твоего дяди.

– Конечно, а можно взять велосипед Итало?

– Пока он в отъезде, думаю да, ему на него нет дела, сам знаешь с ухмылкой он продолжал пить кофе, запивая печенье.

– А ещё, не знаешь, недавно никто новый рядом с нами не поселялся?

– Вроде нет, а что, ты видел кого-то?

– Сегодня подо окно был – я показал ему фото, и указывал на парня.

– А ты про него, так это же сын мисс Хлои. Она живёт не очень близко к нам, но тоже здешняя. У неё только один сын, его вроде зовут Рей.

– Рей?

– Его отец был родом из Калифорнии, но умер несколько лет назад.

– А от чего?

– Вроде утонул.

Позже, этим же днём, под вечер, я лежал в своей постели, и думал только об одном. Значит он Рей.

2 глава: Хочешь ли ты...

Это встреча не случайна, Она предначертана судьбой. Сама
Лахесис³ вела меня рукой

Чтоб я прочитал тебе стихи, Что писал я днями. Сколько перьев
распустил! Не спал ночами. Сколько чернил потратил?

Сколько бумаги распустил!

Чтоб ты поняла, что я утонул в твоей любви.

Я взял велосипед моего брата, который сейчас в Риме, по каким-то делам. Не интересовался по каким именно. Меня это мало заботило. Я думал только о том как ветер ласкает моё лицо, и раскидывает мои волосы в разные стороны. Чаще всего я езжу довольно медленно, но когда во мне горит пламя, неважно от чего, разгоняюсь, ну или, еду так быстро, как это возможно для старенького велосипеда на сельских дорогах. По бокам тысячи цветков в самом рассвете сил, и я, кажется, тоже. Во мне молодая кровь, гладкая кожа, и нет лишнего веса, такого обычного для взрослых. Я не думаю о чём-то трудном, а плаваю в реке неподалёку, ем фрукты, рисую неизвестных мне людей, и просто живу. Это всё лето. Без него я не я, и думаю, у любого так. Жара влияет на всех пропорционально, только, кто-то пытается скрыться от неё, убежать, загородиться, а некоторые, как я, едут на велосипеде прямо по направлению лучей света, и не боясь упасть, буквально на несколько секунд, убирают руки с руля, и распускают их в стороны, пока рядом только высокие дремучие деревья, пустая дорога, и музыка на плеере. Вообще, музыка в нашей семье очень важна. Каждый вечер, мы собираемся в гостиной, включая радио, а иногда, найдя пластинку, и граммофон, и слушаем. Кто-то подпевает, танцует, курит, или же, по обыкновению, ссориться по всякой всячине. Жара помогает лениться, и при ней, делать это, намного приятнее и важнее чем трудиться. Ты как плавленный сыр, растекаешься в диване, и утопаешь в музыке. Именно так я чувствую себя большую часть времени, и тот факт, что есть некто кого я не знаю, и чей рисунок держу в своей сумке, вылавливает и достаёт меня из всего этого. Это как разлитое на тебя ведро ледяной воды, когда ты только вышел из теплого душа.

---

³ Лахесис – средняя из трёх сестёр-мойр, богинь судьбы в древнегреческой мифологии.

Приковав велосипед к ближайшему столбу, я пошёл за посылкой отца. Центр был достаточно оживлен для такого дня. Несколько машин разъезжает рядом с главной площадью, группка туристов с гидом стоят около церкви святого Александра, двое стариков играют в карты на скамейках около фонтана. Отделение почты было недалеко, и путь до туда потребовал пары минут. По пути назад, держа в руках среднего размера коробку, перемотанную скотчем, я заметил на скамье, вблизи со столбом с велосипедом, парня, который усердно писал что-то в маленький блокнот, попутно осматривая крону дерева рядом. Меня он не замечал. Но я должен был подойти к нему, чтобы отвязать велик. Я не хотел с ним говорить, но интерес поборол меня.

Я подошёл ближе, и начав отвязывать, поймал его взгляд, который отвлекся от писанины, на меня.

– Я сегодня видел тебя, утром. Ты ведь Рей, да? – мне было неловко, но сказал я это непринужденно.

– Да, я тебе помешал? – его голос был спокойным, но необычным по сравнению с кореным населением.

– Нет, всё хорошо – я отвязал велосипед, и перед тем как уйти, сказал – Меня зовут Марк кстати.

– Приятно познакомиться – он не знал как на это можно ответить иначе.

– А ты бы – вдохнув – хотел прогуляться как-нибудь на днях? Если ты конечно хочешь.

– Думаю, почему бы и нет. Я могу зайти к тебе завтра, ты свободен?
Я бы мог сказать, что свободен каждый день, и это было бы правдой.

– Да. Тогда, до завтра!

– До завтра!

Мысль о том что я проведу время с кем-то кого только узнал приносило мне силы, и в моей крови стало больше кислорода. Так давно у меня не было подобного. Одновременно, это мелочь, пустяк, и я не должен так на него реагировать, но он зайдёт за мной. Он зайдет за мной. Я повторял эту фразу много раз, и она нравилась мне с каждым разом всё больше.

По дороге назад я встретил нескольких семейных друзей, они как всегда сказали как же я быстро расту, и попросили передать привет. Наша жизнь была как большая стая. Все друг друга знают, приветствуют, и уважают. Конечно, некоторые в вражде, другие в пьянстве, но все они создают тот самый образ городка, ради которого сюда и едут малочисленные туристы. Думаю, побывав здесь какая-то звезда, то Крема была бы центром туризма в северной Италии. Но я рад что это не так. Ведь это бы разрушило ту идиллию, которая развивалась и сохранялась столетиями. И я участник этого.

Погода не стужалась, а лишь цвела, даже когда начинало темнеть. Она заменялась с жары на легкую прохладу, когда ты ходишь в одной рубашке и шортах, и ощущаешь как ветерок шелестит листья деревьев, и короткие волосы на твоей груди, и заполняет внутренности рубашки, создавая мешки, и изгибая её плавность. В такое время я всегда пил воду с кубиками льда, дабы почеркнуть состояние природы. Я был един с ней, а она не была против.

Я отдал посылку отцу, поцеловал в щёку свою маму, которая сегодня весь день готовила еду для послезавтрашней *вечеринки*, которая по правде представляет из себя собрание всех соседей, где они выпивают, делятся историями, и показывают, кто сколько ещё родил детей. Таковы здесь обычаи, хоть они иногда мне смешны, я всегда там присутствую. Конечно, мало слушаю, но слежу за их поведением, узнаю слухи и интриги, и после окончания следующую неделю шучу про это всей семье. Им это нравится. Слушать мои упрёки и замечания о соседях, пока мы сидим в гостиной, посмеиваясь и радуясь такой связи с сыном.

Утро. Солнце снова освещает часть моей комнаты. Я всё еще в постели, и мои ноги пока не собираются вставать. При нашем климате, я всегда сплю в одних шортах, которые больше напоминают трусы. Или же, в трусах, больше похожих на шорты. Я плох в названиях одежды.

Рука за головой, другая на животе, а взгляд на окно. Я ждал его. Только сейчас я понял что он не сказал во сколько придёт. Вдруг он уже пришёл а я спал, или же мне придётся ждать его весь день, вздрагивая каждый раз когда буду слышать звуки ходьбы, или мяча.

Я благодарил бога, когда услышал знакомый мне голос со вчерашнего дня, и увидел камень, залетевший в открытое окно моей спальни. Взяв камень в руки, я увидел его, с сияющей улыбкой, загорелой кожей, черными волосами, и скулами, с лёгкой утренней щетиной.

– Привет!

– Привет! Я сейчас спущусь, минуточку.

Я открывал шкаф с одеждой. Недолго думая я надел тонкую майку, и заменил низ на более презентабельные шорты. Они были серо-голубого цвета, и всегда напоминали мне воду в озере неподалёку.

Мои ноги быстро попрыгали вниз, и предвещающая улыбка не сходила с меня. Я пробежал около настенных ковров, картин, и расписных стен. Попрощался с родителями, они не спросили куда я, лишь сказав чтобы я вернулся не позже десяти. Они такие.

– Снова привет – я изучал его лицо.

– Привет, пошли?

– А про это, куда мы вообще пойдём?

– Ты был в ближайшем леске?

– Был несколько раз, но не более того – я следил не только на нем, но и за своими словами, пока мы шли к велосипедам.

– Хочешь поплавать?

– А ты знаешь хорошие места?

– В том лесу есть одна река, я не был на ней, но очень слышан. Говорят, вода в ней идёт из рудника откуда-то из Альп, и поэтому в ней много минералов. Но туда редко ходят, потому что она далеко достаточно.

– Звучит прекрасно, я согласен – его идея и правда была мне интересна. Я слышал о той реке, но никогда не пробовал до неё добраться.

И мы сели на наши велосипеды, осмотрелись вокруг, и поехали к загадочной реке.

По пути Рей заговорил после долго молчания, когда мы остановились передохнуть и выпить воды.

– Знаешь, у моего отца, была одна песня. Он жил здесь после того как женился на моей матери, и в детстве всегда говорил мне, что когда-нибудь поведёт меня с ним на реку, где-то в лесу. Он бывал там, и по его рассказам я и создал себе её возможный вид и месторасположение.

Я удивился что он, поведал мне такую историю так быстро, без предпосылок, или долго общения. Он просто рассказал мне это, смотря на дерево, через многочисленные ветки которого пробивались лучи солнца в зените.

– А про что была та песня?

– Думаю, она была про любовь. Я часто её вспоминаю, и по памяти переписал её, и всегда ношу с собой.

– Даже сейчас? – почему он мне это рассказывает?

Вместо ответа он просунул руку в карман шорт, и достал согнутую в пару раз бумажку, и передал её мне. Открыв её, я вслух прочитал песню на ней, написанную разборчивым почерком.

О, чтобы увидеть без помощи глаз
Тот первый раз, когда ты поцеловала меня,
Безутешного, когда я плакал,
Я возвёл твои стены вокруг себя.
Белый шум – что за ужасный звук
Нашептывает река Рог!
Чувствую, как мои ноги летят над землёй.
Рука Божия, избави меня...
О, о, у-о! Горе мне,
Когда ты впервые дотронулась до меня.
О, иссякнут ли когда-нибудь чудеса?
Будь благословенна, тайна любви...
Господи, я больше не верую,
Утонув в водовороте жизни,
Проклятый любовью, которую я получил
От дочери моего брата,
Словно Гефестион⁴, умерший
Любовник Александра,
Русло моей реки пересохло.
Неужели мне не следует искать другого?
О, о, у-о! Горе мне,
Я бегу, словно зук.
Теперь я подвержен страданию,
О котором мне напоминает родинка на твоём плече.
Сколько горя я способен вынести?
На моем плече чёрный дрозд,
Но какая теперь разница,

---

⁴ Гефестион – ближайший друг Александра Македонского и один из его полководцев.

Когда наша любовь прошла?
Должен ли я заснуть на твоей постели,
Река несчастья?
Возложи руки на мою голову,
Пока я не испущу свой последний вздох...
О, о, у-о! Горе мне,
Когда ты в последний раз дотронулась до меня.
О, иссякнут ли когда-нибудь чудеса?
Будь благословенна, тайна любви...

Я держал старый лист у себя в руках ещё некоторое время.

– Видимо, река произвела на него сильно впечатление. Прекрасный текст, и это тебе говорит человек который каждый день читает и слушает музыку.

– Ха, я тоже так думаю.

– А можно вопрос?

– Конечно.

– А каким он был, твой отец?

– Он был очень хорошим – он замолчал, и я вернул ему текст песни, и мы вернулись к поездке на велосипедах к реке Рог, или же, реке несчастья.

Чем ближе мы подъезжали, тем влажнее становился воздух, и вообще всё вокруг. Жара вместе с влагой заполонила всё, включая наши тела. Мы завернули за несколько поворотов, на которых уже не было дороги, а лишь извилистые тропы. Интересно, кто вытоптал их, может отец Рея ходил тем же самым путём что и мы сейчас.

Мы приблизились к чаще леса, откуда смогли выйти на реку, через заросли кустов. У неё был широкий берег, заросший толстым слоем травы, вместе с камнями, верхняя часть которых была погруженная в воду. Место и правда было прекрасным. Мы просто стояли, и смотрели на то что нашли, и никто из нас не сказал ничего, потому что слова были излишне. Мы оба понимали что чувствуем, хоть у Рея чувства явно были глубже чем мои. Я просто ощущал эйфорию от того что я на неизвестной мне ранее реке, с точно таким же человеком.

– Ну что, искупаемся?

– Конечно

Мы начали раздеваться, непринужденно начав делать это на перегонки, и бросились в воду. Глубина была достаточной для роста подростка. Рей улыбался, размахивал руками и брызгал тем самым на меня воду, и я отвечал ему тем же. Как давно я так не отдыхал. Безусловно, всё это здесь это уже невероятный отдых, но, если можно так сказать, я устал от постоянного отдыха, именно такого.

Когда Рей погрузился под воду с головой, я пошёл по его примеру, пока наша одежда валялась на большом камне на берегу. Но, несколько секунд спустя, видя перед собой мутное тело Рея и водоросли, в мои уши ударил резкий, пронзительный звук. И он не заканчивался. Шум наоборот лишь усиливался, и я не мог определить откуда он. Я высунул голову и, глубоко вдохнув, поплыв к берегу. Рей заметил как быстро я плыл, и в замешательстве поплыл за мной.

– Что случилось? Всё хорошо?

В одних трусах, только что выйдя из воды, он выглядел как одна из греческих скульптур, в музее нашего городка.

– Да-да – я отдышался и продолжил – просто какой-то шум был, не знаю, как в телевизоре.

– Белый шум?

– Вроде бы.

Он не ответил, и сел перед мной на траву. Посмотрел мне в глаза, и только тогда сказал – Хочешь поесть?

– Где мы тут достанем еду?

Конечно же он взял еду с собой в рюкзак, который он привязал к велосипеду. Он казался продуманным человеком, который всегда, даже если на это нет потребности, перевыполнит изначальную задачу.

Мы уложили горстку фруктов на камень, до этого постелив туда клочок ткани. Вокруг нас было оживлённо движущееся течение реки, спокойные деревья, пение птиц, которое доносилось до нас эхом. Всё пахло и цвело перед нашими глазами, а мы просто поедали фрукты, липкий и сладкий сок от которых капал на кожу, создавая дрожь, и оставался на краях губ. Нам приходилось после каждого укуса, облизывать губы сверху вниз. Мы не говорили ни слова, лишь иногда смотря друг на друга, и без причины начиная хохотать. Может, это и чем-то похоже на мою обычную жизнь, но чувствуется это совершенно иначе. Я не говорю что моя спокойная жизнь на вилле была мне не по душе, однако её идеальность с каждым разом становилось всё менее заметным плюсом, и переходила в минус. Но сейчас, думаю, я счастлив, хоть и не знаю доподлинно что это означает. Мне хорошо, и это я знаю точно. Хорошо на этом берегу, с персиком в реке, и знакомым под боком. Так просто, но так прекрасно.

И дальше всё было не так как могло показаться. Мы не уходили никуда, и также продолжали молча лежать, разглядывая всё вокруг.

Но всё не вечно, и когда прошло приблизительно полчаса мы начали собираться, потому что путь обратно займёт тоже много времени.

Возвращаясь, мы практически не останавливались, как будто, обычная прогулка у реки принесла нам гору терпимости и силы. Велосипеды яростно рассекали воздух, пока люди на них смеялись подпрыгивая на кочках, и кидали друг другу на ходу бутылку воды, которая пенилась всё сильнее и сильнее. Казалось, Рей один из тех людей которые отпускают руль, только чтобы распустить руки, но это не всё. Он мог отпустить не только руль, но и педали. Как он сказал мне немного позже, он чувствует, как его ноги летят над землёй.

Теперь, я знаком не только с ним, но и с рекой, которую его отец прозвал несчастной. Интересно, почему? Она кажется спокойной, такой же как и Рей. И я понял ещё одну вещь. У меня появился друг.

3 глава: Я и Бог

Не заметил я того, как надежда умерла.

Тот зверь во мне бушевал тогда,

Но ты приласкала его, дала ему покой,

Как будто небо полюбило его.

Надежда умирает последней.

Так говорят мне всегда,

Но забывают добавить,

что её смерть мучительна всегда.

В тот же день, я должен был пойти в церковь вместе с семьей. Так мы делаем каждое первое и последнее воскресенье в месяце. Я вернулся с Реем в три, поэтому никто и не заметил моего отсутствия, и вопросов не было.

Дома была легкая суматоха, отец искал свою лучшую рубашку, а мама нашу семейную библию. Она уже несколько поколений переходит из рук в руки.

Говоря честно, я не был заинтересован религией. Я понимал её важность и ценность, но никогда истинно не верил. Меня интересовало её влияние на мир, искусство, прошлое. Не знаю как так вышло, но я просто живу душой и телом на земле, а не на небесах или в преисподней.

Надо будет узнать что об этом думает Рей. Когда мы прощались, он выглядел точно так же как и тем утром под окном, и на фотографии, которая всё еще со мной, и о которой он, так и не узнал. Я забыл передать ему рисунок, но может, в следующий раз я покажу его ему.

Пришло время выходить. Мы собрались перед дверью, осмотрели кто как выглядит, и открыли дверь. Я был абсолютно спокоен, потому что знал что меня ждёт жаркое лето, которое я проведу не один. Обычный поход в церковь не изменит моего настроения, или что-либо. Я плыву реке жизни, как старый пароход на водяном колесе. Оно всё крутилось и крутилось, черпая воду, но пароход стоял, не двигаясь. Якоря не было, и вроде бы, ничего не мешало ему на полной скорости поплыть в далёкие края. И лишь сейчас, когда из-под колеса достали маленький камушек, который не позволял ему работать, резко, без предупреждений, он поплыл, и я был на его борту.

– Прошу садитесь – сказал престарелый священник. Мы сели, женщины стали поправлять свои сарафаны и юбки, мужчины поправили рубашки, а дети смеялись, и обменивались с друг другом жестами, понятными только им.

Служба в Креме имеет важное значение. Не только по религиозным причинам, просто церковь это, можно сказать, центр массы людей. Нигде тут нельзя встретить такое количество людей в одном месте, не считая ежегодной ярмарки.

Родители сидели с выпрямленными спинами, держа в руках одну большую и одну маленькую версию священного писания. Кроме монотонного и грубого голоса священника, не было слышно никого и ничего. Бывало кто-то чихал, кашлял, но не более.

Надо сказать, Александровская церковь была роскошна. Один большой купол сверху был самым высоким сооружением в округе, проигрывая только деревьям. Смотри на него с центра, или даже немного поодаль, ты и правда чувствуешь его силу, и некую ауру вокруг и рядом с ним. Сейчас, сидя на деревянной скамье, на четвёртом ряду, я был под этим куполом, и был под её защитой. Мои мысли разнеслись по огромному залу из туфа, и донеслись до полости купала. Он принял их, и ответил мне громко, так чтобы слышали все.

Звон. Звон. Звон.

И во всём этом продолжительном звоне, я расслышал последние слова.

– Рука Божия, избави меня...

Когда мы пришли домой, то все разошлись по своим комнатам, и лишь редкие звуки дополнительной готовки на завтра были слышны с первого этажа. Моя дверь была закрыта, и я снова, как и всегда, ничего не делал. Моё настроение было чудесным. Я всё ещё вспоминаю утро проведённое с Реем, и его самого. Та песня не сходила с моих уст. Я винил себя что не запомнил её всю, поэтому пропивал часть припева, и других строк. И самое главное, что, чем больше я повторял это, тем больше смысла видел в этом. И смысл был очень красивым, как река несчастья, и Рей. Суда по тому как он красив, наверное, его отец был таким же.

Было уже около восьми, когда я перестал следить за временем, и погрузился в свою рутину, которая изменилась. Не знаю как, но мои привычные действия, сейчас, играют и звучат иначе. Чтение, музыка, гостиная с семьей и радио – всё заиграло новыми красками, или же, я снял очки, обесцвечивающие оттенки всего вокруг, включая меня самого.

Наконец, я лег в постель в своей обычной для этого одежде, и вскоре, мои глаза сомкнулись, и я погрузился в глубокий сон.

Как и планировалось, соседи начали приходить в районе двух часов дня. А до этого, все в доме бегали от стороны в сторону. Домработница помогала матери накрывать многочисленные мини фуршеты, из фруктов, овощей, и закусок, пока в это же время отец спокойно сидел и заминался своими делами в кабинете. Я примкнул к бездействию отца, и решил до того как все начнут приходить, искупаться в бассейне рядом с домом, высеченном в небольшом каменном завале.

Позабыв о времени, когда все уже начали собираться, я только вышел из воды, и в спешке побежал в свою комнату, чтобы переодеться до того как все меня увидят вот так. Переодевшись в лёгкую рубашку, с большим вырезом под шеей, и короткие джинсы, я чуть не ударился головой с Реем, пока тот поднимался, а я спускался с лестницы. До этого я был невнимателен, и не указывал большого внимания к всей этой вечеринки, но сейчас мои глаза загорелись, улыбка расцвела.

– Ой, извини, привет – сначала мои глаза были направлены на его ноги, а потом перешли на острый нос, в несколько десятков сантиметров от меня.

– Привет, как у тебя всё? А я только пришёл, и спросил тебя, но мне сказали что ты в своей комнате скорее всего. Кстати твоя мама очень приятный человек.

– Спасибо, надеюсь она не сказала обо мне ничего такого и, не показала тебе мои детские фотографии? Потому что поверь, она могла.

– Не, ничего такого, к сожалению. Конечно она спросила кто же я такой.

– И кто же ты?

– Я сказал что твой друг, ты не против?

– Я абсолютно не против. И раз ты уже здесь мы можем пойти в мою комнату Я хочу тебе кое-что показать.

– Что именно?

– А это секрет, пока не узнаешь.

Мы достаточно быстро зашагали по лестнице пока Рей проводил своей рукой по старым коврам на стенах, которые замечают практически все наши гости. На секунду я задумался, что один из этих ковров так сильно мне напоминает Рея. Одновременно он такой же сложный интересный, и в то же время простой. Каждая извилина того трудного узора напоминала мне его причёску, вены на его руках, его лёгкую щетину которую он не пытается сбрить, похоже, изредка сбривая полости щёк.

Когда мы дошли до моей комнаты, я легко отворил дверь перед ним, и пустил его первым. Я заметил что он начал осматриваться вокруг, его голова начала кружиться в разные стороны, как бы в поисках за что бы зацепиться взглядом. Я вошёл и закрыл дверь. Мы остались вдвоём в моей достаточно маленькой комнате, и я не знал куда деть мои руки. То я ставил их в карман, то облакачивался на стол, на стул, но не мог найти лучшего положения чтобы он не подумал что я стесняюсь, или чувствую себя некомфортно вместе с ним. Мне было очень приятно по правде, и простое волнение заполняло каждую частичку моего тела, и текло по моим венам. Я не умел дружить. Я не знаю заметил ли он мои переживания, но он не подал никакого знака.

Излишни минуты мы стояли, пока он не сел на мою кровать, а я не подошёл к столу, чтобы найти в одном из ящичков тот самый рисунок. В поисках этого рисунка, я иногда поворачивался и замечал его в том же самом состоянии. Казалось, он был очень любопытным, и в момент когда он был таким, моё любопытство к нему, и миру в целом, оживало в десятки раз и не ослаблялось.

Отперев несколько ящичков я нашёл рисунок, завёрнутый в несколько раз. Я раскрыл его и звуки бумаги заполнили всё пространство вокруг. Из открытого окна слышались звуки смеха соседей которые уже собрались. Я плавно повернулся к своей кровати, и Рей тотчас посмотрел на меня, и на рисунок моих руках. Я подошёл к кровати и плюхнулся на неё, и протянул рисунок ему, пока я лежал на спине, а он сидя на краю кровати взял его.

Свет от солнца освещал не только всю комнату, но и лицо Рея. Оно выглядело и сияло как золотая монета. Я же, был в тени от окна, и лишь глядел на него, пока он внимательно рассматривал рисунок себя. Не знаю что именно я чувствовал, я хотел чтобы ему понравилось, боялся что он не поймёт зачем я нарисовал его, и множество другого. И каждая секунда ожидания его ответа морозила меня, хоть и температура сегодня была больше тридцати. Всё плавилось от жары, но только не карандашные зарисовки. Наконец, он заговорил, перед этим приняв такую же позу, что и я.

– Как давно ты рисуешь?

– Пару лет, когда нечего делать это спасает.

– Неудивительно, потому что мне очень нравится.

– Правда? Я боялся что тебе может не понравится.

– Конечно. Если говорить честно, я никогда не видел себя с такой стороны. Такое чувство, что ты даже не зная меня, нарисовал меня так, будто знаешь обо мне всё.

Пока мы говорили никто из нас не смотрел друг другу в глаза. Мы оба устремились в потолок, боясь увидеть лицо другого. По крайней мере, я боялся.

– Можно я оставлю его себе? – он звучал немного стеснительно.

– Я не против. – я был полностью не против, польщён, и опущен в красную краску.

Так мы провели половину вечера, но позже нам сказали выйти и хотя бы поприветствовать всех. Как мне рассказал Рей, раньше он знал что каждый год в нашем доме проводится что-то в роде встречи соседей, но всякий раз появлялись проблемы, и прийти он был не в состоянии по многим причинам. Но в этот раз, он знает лично меня, и прийти сейчас, казалось, более менее логичным, и ничего ему не мешало.

Мы вышли на заднюю веранду, с выходом в сад, в котором расставили несколько столиков посередине и ещё меньше по краям. Кто-то сгруппировался, пил, курил в сторонке, и пару тройку пар танцевали вместе, рука об руку, щека к щеке.

Перед тем как подойти, я спросил у Рея, хочет ли он чтобы я представил его всем тут.

Он согласился, потому что о его семье тут помнят лишь самые старые жители. А новые, не очень интересовались им, после новости о смерти отца.

Так, мы обошли практически всех, каждый раз спрашивая как дела, как дети, у некоторых внуки. Все с добротой жали руки Рею, а он застенчиво улыбался. По его поведению, можно было догадаться что ему непривычно всё это.

Начало темнеть, и жара ушла на второй план. Прохладный ветерок тормошил юбки платьев, листы на маленьких персиковых деревьях, и шторы ведущих на веранду стеклянных дверей, которые полностью открыли, чтобы быстро принести закончившуюся выпивку, и продуть дом.

Гости начали расходиться, и я с Реем решили поплавать в отдалённом от толпы бассейне, в котором сегодня утром был я. Мы сняли наши кроссовки, и бросили их у запасного входа, и босиком побежали. Сначала трава гладила мои пятки и ступки, потом мы приблизились к бассейну, и трава заменилась твёрдым сухим камнем. Чем ближе мы были, тем влажнее становились камни, по которым часто бегают мокрыми ногами, оставляя водные следы.

Я оголил торс, и после свои ноги. Рей же был в средних шортах и майке без рукавов, которые он аккуратно сложил на одну из стенок бассейна. Я провёл своей рукой по воде, и тем самым разогнал малюсенькие волны, которые как домино удалялись дальше. Рей, увидев это, сделал также. Вода чувствовалась приятной, и те её капли, оставшиеся на ладонях, постепенно капали обратно.

Мы оба погрузились в теплую воду, наполовину держа свои руки на стенках. Было так хорошо, что все слова были лишними. Именно сейчас, я чувствую себя так близко к другому человеку, физически, и морально. Я так мало знаю о его жизни, прошлом, но наша близость была уже тогда, в незнании и неведении я чувствовал это, и надеялся что он тоже. Деревья уже практически не двигались, свет поменялся местами с темнотой, и я решил взять инициативу в свои руки, и заговорил.

– Как тебе вечер?

– Было интересно, но если бы не ты, я в жизни бы сюда не пришёл.

Мы оба посмеялись, и под грузом наших тел вода качнулась в стороны, создавая мелкие волны. Он также смотрел на меня, пока всё вокруг смыкалось и темнело мы загорались как спички.

И в тишине вечера, он начал петь в пол голоса – О, чтобы увидеть без помощи глаз...

Я продолжил, поняв что именно он поёт.

– Тот первый раз, когда ты поцеловала меня, безутешного, когда я плакал...

Наши голоса соединились и слились друг с другом точно как вода, ведущая к этому бассейну из узкого рудника.

Вскоре мы допели.

– Рей, а ты веришь в бога?

– Ну, Бог может быть и есть, но даже если нет, меня это не очень заботит. Вот моя мать религиозна от ступней до мочек ушей. Вера многим помогает принять жизнь, и смерть.

– А во что ты тогда веришь?

Было заметно как он призадумался, и отвел не сразу ушёл из его уст.

– В жизнь.

Мне очень нравилось всё что он говорит. Каждое его слово, не относительно от длинны, звучало мудро, и манило меня в некоем роде. Я прислушивался ко всему что он говорит, и единственное что я мог сделать после его ответа на вопрос, так это задать ещё один. Наша близость не была одно минутной, она длилась и сейчас. Нас связывали не какие-то чары магии, или даже красоты ночного лета, а мы сами. Не знаю что он нашёл во мне, но в нём я нашёл всё. Несмотря на то, что знал я мало, он открывал мне глаза на всё, таким малым количеством слов. Мы общались всегда, даже когда молчали, вербально, смехом, взглядом, руками и телами.

Птиц уже не было слышно, все разошлись, и Рею надо было тоже. Я проводил его до выхода, где с ним попрощались и мои родители, которые поблагодарили его за то что он пришёл. Он им нравился. У меня с ними много общего.

Когда я лёг в свою кровать, я вторую ночь подряд думал о нём. Теперь у меня в голове засела песня его отца, он сам, соседи. Я хотел думать обо всем этом, но концентрируясь на одном, вспоминал что есть первая и последняя строчка. Всё время я был в пучине, состоящей из слов. Я вспоминал его слова, пытался найти в них новый смысл, думал о том что он забрал рисунок. Он понравился ему, а он нравится мне.

4 глава: Тишина

Гуляю я с Хлоей, она так велика. Как титанида и в дроже рука.
Как в тот первый раз, что встретил тебя. И любим друг друга уже
10 лет, А Такое чувство, что прошел лишь момент.

На следующее утро, когда я проснулся, в доме не было слышно никаких звуков. Ни пианино, ни готовящаяся еда на плите, ни разговоры, всё как будто замерло в пространстве, и эту идиллию редко нарушали птиц, то тут и там, пролетающие около моего окна, с дерева на дерево. Солнечные лучи освещали всё так, что летающая пыль становилась видимой, пока я одевал короткие бермуды, и летнюю сорочку. Я не застигнул все пуговицы, и вырез открывал мою верхнюю ключицу, которая плавно, но с резкими впадинами, переходила в шею. Сегодня я не собирался бездельничать, просто лежа в гамаке за домом, попивая стакан свежесжатого сока. Хоть это и манило меня, и неистовая жара уменьшало моё желание, и заставляло ноги шагать медленней, а мозг переставать думать, находясь лишь в поисках тени. Даже так, я был как газированная вода, налитая в стеклянный стакан, по стенкам которого образовались пузырьки, заряжен. В горле я всегда чувствовал влажность, и это придавало мне некие силы, исходящие откуда-то издали. Может это всё Рей, может я сам, или обстоятельства, но я был готов ко всему, и сам жаждал освежиться холодной водой реки, окунуться в её дебри, пробежаться по зеленому полю, залезть на дерево и спуститься на каноэ.

Вчера, когда я прощался с Реем, он не упоминал о том, встретимся ли мы сегодня или нет. Он просто ушёл, пристально перед этим посмотрев в мои глаза. Не знаю что он хотел этим сказать, и хотел ли, но я был в неведении. Так что, я решил поехать к реке несчастья снова, но уже один. Я должен понять, откуда и почему я слышал тот раздражающий шум, который в глубине моей души, всё ещё меня беспокоит. Я старался не думать и не вспоминать те секунды, но они сами выплывают, и не тонут долгое время. Иногда, наоборот, они приходят быстро, и также скоро исчезают. Забирают меня из реальности, и перекидывают обратно в прохладную воду, с тем самым звуком. Мне было и страшно, и интересно одновременно. С новым человеком в моей рутине жизни, ко мне прибились и странности, которые могли быть всегда, просто я их не замечал. Или не хотел замечать.

Было раннее утро. Все, кроме Перла ещё спали, и я вышел из дома, направляясь к велосипеду. Погода была мокрой, из-за ночного дождя, сверху меня кроны деревьев, с их многотысячными листьями, поливали уже и так влажную тропинку легкими каплями, накопившимися там за ночь. Я быстро вернулся в дом, чтобы одеть что-то с капюшоном, и вскоре уже мчал по сельским дорогам в сторону леса. Я не помнил весь путь, но зная местные достопримечательности, и названия дорог и улиц, найти реку было не самым трудным занятием. Я ориентировался на всё что помнил, иногда путая повороты. Жители сидели по домам, привыкнув к жаре, которая заставляет забыть о том что непогода существует. Лишь солнце было неизменным, не заметно ни туч, ни дождя. Оно продолжало кружить сверху, и освещать красно-оранжевым цветом всё вокруг, давая вспомнить обычную красоту.

Пока я крутил старые педали, которые довольно часто приходится смазывать маслом, я не мог сконцентрироваться. Я хотел думать о песне, реке, Рейе и его отце, рисунке, и ещё о так многом. Я никогда не был так заполнен, точнее моя жизнь. Кажется, сейчас у меня ничего такого не происходит, но я хватаюсь за каждую мелочь, потому что думаю, что если соединить это всё воедино, то увижу полную картину. И всё это приводит к тому, что у меня появляются мысли о том, что всё новое это часть этого. Но это не так, потому что я всегда себя накручивал, а сейчас давно.

Я снял ботинки с короткими носками, и пошёл по каменистому берегу. Иногда под ноги попадался песок, который весь обмок.

Я не имел никаких зацепок, и не знал что вообще пытаюсь найти. У меня есть песня, и только от неё я могу отталкиваться. Но пропивая ещё в десятый раз, я не могу понять что в ней кроется. Каждое слово пробивает в мою душу чувство тоски по кому-то. Но это тоска не моя, а чужая.

Птиц в лесу намного больше, у воды особенно. Их пение полностью окружает, и не подготовленного человека сбивает. Как лучники замков, они где-то высоко, за прикрытием веток, защищают свой дом.

Проходившись по берегу, я решил зайти дальше, на его отдалённую часть, в которой можно пробраться лишь через большие заросли, либо глубокий лес. Заросли, название которых я не знал, брали своё начало из воды, и их тонкие стебли хорошо держались. Поначалу я несколько раз завязался среди них, но распутавшись, достиг того берега.

И на камне, наполовину заросшем мхом, пропитанным дождевой водой, я заметил хорошо вычерчивание два слова. Я провёл рукой по камню, и убрал с него слой влаги, и они стали более отчетливые. Прочитав несколько раз, я развернулся камню спиной, оперся на него, и посмотрел в будущее по глазу солнце, которое говорило – Всё новое, это хорошо забытое старое.

Джей + Хлоя

Я перечитал надпись несколько раз, гадая, кто же это. Я представлял какая у них была жизнь, похоже любовь, или может что-то глубже чем она. Всё могло быть, и по тому как выглядит этот камень и эти два слова, кажется, здесь это достаточно давно. Так давно, что некоторые буквы скрылись под зарослями. Опершись на холодную поверхность камня, я погрузился в себя. Кажется, что в такой обстановке, в которой я живу, всегда можно найти время уйти себя, и забыть обо всём, слиться с пением галок, но это не так. При всех удобствах, красоте

и спокойствию, такое состояние я ловлю редко. Только в особенные моменты, когда всё просто, так как должно быть. Я придумаю много значения мелочами, и ещё больше важным вещам, и поэтому, всегда нахожу о чем переживать или думать. А пока, сбоку от меня чья-то прошлая жизнь, спереди бесконечно долгое и светлое солнце, и я, тот кто видит всё это воистину, и улыбается мыслям льющимся мне в голову как вода в реке.

Я не хотел уходить отсюда. Хотелось остаться здесь как можно дольше, именно так.

Господи, я больше не верую,
Утонув в водовороте жизни,
Проклятый любовью, которую я получил...

В голову приходили и уходили эти строчки, и я пытался найти связь. После чего можно потерять веру? После того как жизнь отправит тебя в кругосветное путешествие, в котором тебя поглотит водоворот. Либо проклятье было от моря, жизни или от человека. Как можно так сильно любить, чтобы спокойно дрейфовать, пока твоя нижняя палуба уже полна воды? Может, отец Рея знал это, может многие знают, но описать это невероятно трудно. Практически невозможно передать словами чувства, ощущения, любовь тому, кто не познал это всё. Представить можно всё, понять тоже, но прожить, далеко на всё. А главное, труднее всего пережить.

Любить надо так, чтобы надпись на камне посреди реки, была также важна и ценна, как первый шаг ребёнка.

В одной старой книге, которую я нашёл в гостиной, припрятанной в дальнем шкафу, я прочитал одну цитату. В тот момент я не понял её, задался несколькими вопросами, но она всё равно зацепила меня. Потому что вода для меня, как и солнце – часть жизни.

Невозможно остановить волны, но можно научиться плавать

Джон Кабат-Зинн

Жара проникла в поры моего лица, ног, и рук. Я почти не двигался, но мошки не трогали меня, иногда пролетая рядом. Планов на сегодня у меня больше не было, поэтому я сел на велосипед, и помчал сначала по узким тропинкам леса, а уже потом выехал на бетонную дорогу, которая в некоторых местах уже раскалывалась от жары. Миражи от лучей били в глаза, а подсолнухи меняли своё направление. Где-то было слышно как развеивается на ветру ярко цветущая азалия, а около неё, как бы, скрываясь от коварного солнца, рос олеандр, дополняя своим розово-малиновым цветом азалию.

Пока я ехал, тоска начала отходить на второй план. Я проникся к жизни двух людей, которых даже не знал, но помогло мне. Это дало мне о чём подумать, и даже, помечтать. Погода стояла такая же, и не собиралась ухудшаться или просто утихнуть. Местные жители уже привыкли к этому, не без помощи продажи лимонада на каждом шагу. Он всегда был освежающим, глоток которого взбудораживал тело от пяток до ушей. После дня на солнце, люди были готовы отдать за него состояние, поэтому дети и подростки часто подрабатывали этим. Я тоже, иногда. Особенно когда хотел накопить на какую-нибудь мелочь, безделушку. На что-то более серьёзное или дорогое у меня не было времени, сил и интереса. Может воображения. Хотя сейчас, оно у меня сильное, после долгого пребывания в забвении.

Я обернул последний поворот. Остановился, чтобы открыть низкую калитку, и поставил велосипед на место.

Дома горел свет, и, отряхнувшись, я открыл скрипучую входную дверь, где меня встретил знакомый запах табака, классика по радио и смех. Смех. Смех. Смех.

Всё снова стало привычно. Я выпил стакан холодной воды, и пройдя мимо нескольких гостей в свою комнату, переоделся. Вилла сегодня была необыкновенно дремуча, старые ставни издавали громкие звуки, а черепицы звенели. Я же чувствовал то же самое. Я был таким же

пьяным, но без алкоголя, как наш дом и его толстые стены. Пока я сидел на стуле, рассматривая мои рисунки развешанные на стене, я слышал и подмечал каждую мелочь. Иногда по дороге около нашего дома проезжала одинокая машина, с таким же водителем, порой ветер ускорялся и неподготовленные для этого двери с шумом закрывались и открывались. Это уже не пугало ни меня, ни даже мою собаку. Мы так привыкли к жаре, особенностям жилья, людям, что сливаемся со всем этим. Я не говорю даже о пожилых людях, для которых это всё на свете. Молодые, подростки, как я, тоже привязаны ко всем этим полям, кустам и виллам по типу нашей. Без этого нельзя представить жизнь здесь, а если это когда-то изменится, а оно точно изменится, это уже будут другие люди. Другой мир. В котором я не хочу кататься на велосипеде или жить. Хочу вечного блаженства в этом доме, с этими людьми, с Реем. Не хочу возвращаться в шумный город, получать образование. Что бы я не желал и не хотел, всё это идёт корнем в это место, и без него я пропаду. Пропаду как каждые 9 месяцев в году, пока мы не здесь. Первые несколько я смакую и вспоминаю прошлое лето, а последующие с нетерпением жду следующего. И так каждый божий год, но это когда-нибудь закончится. Должно закончиться. Как и всё в мире, рано или поздно, я покину эту жизнь и ждёт меня совершенно другое место. Я представляю, как работая в каком-то офисе, на окраине большого города, моя печаль истекает из меня, и наполняет всё вокруг. На первый взгляд, я буду казаться нормальным, может даже, счастливым, но моя другая сторона, скрытая ото всех, будет владеть мною. Каждую ночь возвращаясь с ненавистной работы, я уткнувшись в телевизор, чтобы уснуть через несколько часов. А когда проснусь, медленно встану с дивана, и застёгивая последнюю пуговицу, подумаю. Зачем мне такая жизнь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.